ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ ОБО МНЕ

Станислав Оушен

Последняя запись обо мне

«Автор»
2026

Оушен С.

Последняя запись обо мне / С. Оушен — «Автор», 2026

После смерти матери Илья получает ключ от комнаты, о существовании которой почти ничего не знал. Внутри — архив, письма и шесть ящиков с названиями историй незнакомых людей. На последнем написано его имя.Мать просила открывать документы только при свидетеле. Теперь Илье и его сестре придётся нарушить старое молчание, чтобы узнать, зачем мать собирала эти свидетельства и что пыталась сохранить для них обоих.

© Оушен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Если придёшь один 5
Глава 2. Закрытая дверь 6
Глава 3. Шестая коробка 7
Глава 4. Квартира на два ключа 8
Глава 5. Как делают истории 10
Глава 6. Мамины таблицы 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Станислав Оушен
Последняя запись обо мне

Глава 1. Если придёшь один

Мама написала, что я не должен открывать дверь без свидетеля. Я прочитал записку уже после того, как повернул ключ.

За дверью стоял стол, шкаф с архивными коробками и старое кресло с продавленной подушкой. На столе лежал конверт. Мой почерк на нём не мог быть настоящим: буквы были похожи, но я никогда не подписывал письма самому себе.

«Если придёшь один, — говорилось внутри, — закрой помещение и позови человека, которому готов позволить сказать тебе “нет”».

Я стоял среди коробок и вертел ключ на пальце. Мама опять оставила мне инструкцию, а я опять сделал всё в обратном порядке.

Мама умерла в начале октября. Последние месяцы мы говорили о больнице, о лекарствах, о том, нужно ли менять трубы в её квартире. О работе она почти не рассказывала. Я знал только, что много лет занималась систематизацией документов для разных организаций. На столе у неё всегда стояли ровные стопки бумаг, а на телефонные звонки она отвечала коротко: «Вышлите официально».

Теперь передо мной был шкаф с шестью ящиками. На одном стояла надпись «КУХНЯ. 08:14». На другом — «ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА». На третьем — «ОТПРАВИТЕЛЬ СОВПАДАЕТ». Дальше шли «ДВЕ ЖЕНЩИНЫ», «ЧУЖАЯ БИОГРАФИЯ» и «ИЛЬЯ».

На полке стояла фотография мамы со мной, сделанная в моём детстве. На обратной стороне значилось: «Сохранить оригинал. Копии не выдавать».

Я не стал открывать ящики. Закрыл дверь и позвонил Даше — сестре, с которой мы не разговаривали три месяца.

За три месяца до этого мы поссорились из-за маминой квартиры. Я предлагал нанять сиделку, Даша говорила, что мама хочет оставаться дома. Я считал, что сестра не справляется. Она однажды выпалила: «Приезжай не на час, а поживи тут неделю». Я ответил, что у меня работа. После этого мы говорили только о лекарствах и чеках.

Последний разговор закончился фразой: «С тобой невозможно договариваться». Я бросил трубку. Даша не перезвонила. На похоронах мы стояли рядом, как два человека на официальном мероприятии: отвечали на вопросы, передавали платки, помогали гостям найти места. А вечером разошлись по домам, не попрощавшись.

Я долго смотрел на имя Даши в списке контактов. Из всех знакомых только она могла заставить меня закрыть этот шкаф и уйти, если нужно. Я очень надеялся, что не заставит.

— Мама оставила нам работу, — сказал я.

— Или проблему, — ответила Даша. — Я буду через час.

Глава 2. Закрытая дверь

Я вышел в коридор и запер комнату. Ключ повернулся с усилием, будто дверь не хотела закрываться. На площадке пахло краской и старой бумагой, внизу кто-то громко разговаривал по телефону. Я стоял и пытался понять, как мама могла столько лет приходить сюда и ни разу не рассказать нам о шкафе с шестью ящиками.

Возле лифта висело объявление о ремонте отопления. Я прочитал его дважды, хотя к делу оно не имело никакого отношения. Мама часто говорила, что человек, который не может дождаться ответа, начинает читать всё подряд. Я раньше смеялся. Теперь стоял у чужой двери и читал про трубы, потому что боялся снова взглянуть на ключ.

Даша обещала приехать через час. Я спустился в ближайшую кофейню, заказал чай и сел у окна. На столе лежала салфетка с рекламой выпечки. Я перевернул её и написал имена ящиков, чтобы не забыть. Последним — своё. Когда официантка принесла чай, я спрятал салфетку под ладонью, словно там было что-то неприличное.

Позвонила племянница. Она хотела спросить, когда я верну ей книгу, которую взял ещё летом. Я едва не сказал, что сейчас не до книг. Потом услышал её голос и ответил, что привезу в выходные. Она поблагодарила и отключилась. В памяти всплыло, как мама уговаривала меня чаще звонить девочке, а я всё обещал. Я допил чай и вернулся к зданию. Даша подъехала раньше, чем я ожидал.

Глава 3. Шестая коробка

Даша приехала с собственным ключом. Оказалось, мать выдала ей его ещё весной.

— Она тебя знает, — сказала Даша. — Ты сейчас начнёшь тут всё разбирать, а потом окажется, что половину трогать нельзя.

Мне захотелось обидеться. Вместо этого я показал конверт.

Даша прочитала записку, поправила шарф и села на край кресла.

— У меня другое письмо. Она просила вызвать юриста, прежде чем мы решим, что делать с архивом.

Мы позвонили знакомому адвокату и договорились о встрече. До неё ничего не трогали. Я только записал названия ящиков и сфотографировал общую обстановку комнаты, не раскрывая содержимого.

Адвокат долго объяснял про права на документы и разрешения людей, чьи сведения могли храниться в коробках. Я спросил, можем ли мы хотя бы сделать фотографии всего подряд. «Не надо, — ответил он. — Сначала разберёмся, кому принадлежат материалы и кто вообще вправе их смотреть».

— А если там преступление? — спросил я.

— Тогда тем более не трогайте носители сами. Сохраните, как нашли, и дайте разобраться специалистам.

Я посмотрел на свои ладони. Хотелось открыть шестой ящик немедленно. Даша заметила это и молча положила ключ себе в карман. Я даже не стал возражать.

В папке с доступными семейными документами мы нашли адрес нотариуса и договор аренды комнаты. Подписан он был на компанию «Форма. Архивные решения» — маминого последнего работодателя.

Даша подняла глаза.

— Если это имущество компании, почему ключ у нас?

В тот вечер мы вернулись в мамину квартиру. На кухне остались одинаковые банки с крупами, подписанные её аккуратной рукой. Даша открыла шкаф и достала детский чай с яблоком. Оказалось, мама держала его для внучки. Моей племяннице было девять, но в моём представлении она всё ещё ходила в детский сад и любила розовые заколки.

— Она давно пьёт обычный чай, — сказала Даша, заметив мой взгляд. — Выросла.

Мне стало стыдно спрашивать, в каком классе теперь учится собственная племянница. Даша поставила две чашки, как делала мама. Я попытался сказать, что последнее время был занят.

— Я не прошу объяснений, — отозвалась сестра. — Только не исчезай снова, когда решим вопрос с архивом.

— А если окажется, что это целиком мамина ошибка?

— Тогда придётся о ней говорить, — ответила Даша. — И всё это разбирать. Куда денемся?

Она отодвинула мне чашку. Чай оказался слишком сладким: Даша по привычке положила нам по три ложки сахара, как в детстве. Мы впервые после похорон рассмеялись вместе.

Глава 4. Квартира на два ключа

После встречи с адвокатом мы с Дашей поехали к маме домой. В прихожей стояли две пары домашних тапочек, одна мужская, другая женская. Мужские мама держала для меня, хотя я редко приходил надолго. Я надел их, и Даша вдруг сказала:

— Ты всегда в них ходил, даже когда они стали малы.

Я посмотрел на тапочки. Пятка действительно выступала наружу. Мама не покупала новые, а я не говорил, что неудобно. Так выглядело множество наших отношений: она продолжала заботиться прежним способом, я не поправлял, чтобы не обидеть.

Мы разбирали кухню. Даша сняла с полки банки с крупами, проверила сроки. Я нашёл записную книжку с рецептами. На странице про блины мама написала: «Илья любит тонкие, Даша — толстые. Делать оба варианта». Мне стало смешно и грустно. Я не помнил, когда последний раз ел её блины.

Даша предложила оставить вещи как есть до выходных, когда сможет приехать с дочерью. Я сказал, что проще вывезти всё разом. Она резко поставила банку на стол.

— Тебе проще, потому что ты здесь почти не жил последние месяцы.

Я хотел ответить, что работал и платил за лекарства. Но она не спорила с расходами, говорила о времени. Мы замолчали. Потом я спросил, что ей нужно оставить. Она назвала три вещи: чайник, полотенце с синими цветами и маленькую лампу у маминой кровати.

Мы договорились вернуться в субботу. Уходя, я снял тапочки и поставил на место. Они оказались слишком маленькими, но почему-то пока хотелось, чтобы стояли у двери.

* * *

Дашина дочь, Алиса, пришла в субботу вместе с матерью. Ей было девять, она принесла большой рюкзак и сразу спросила, где бабушкины цветные карандаши. Я не знал. Даша безошибочно открыла нижний ящик комода. Внутри лежала коробка с карандашами, на крышке — мамино аккуратное «Алиса».

Племянница села на пол и стала рисовать дом. Я спросил, почему у него нет крыши. Она ответила, что крыша ещё не придумана. Потом предложила мне нарисовать окно. Я взял карандаш, провёл кривой квадрат. Алиса рассмеялась:

— Ты совсем не умеешь.

— Я лучше умею считать.

— Бабушка тоже так говорила. А потом рисовала красиво.

Даша смотрела на нас из кухни. Когда Алиса ушла в другую комнату, сестра сказала, что мама оставляла девочке задания: нарисовать окно, придумать дверь, выбрать цвет. Она не требовала, чтобы рисунок получился правильным. Я удивился. Мама с нами всегда была строже.

Позже Алиса нашла в шкафу стопку чистых листов с маминой подписью «Для новых историй». Она спросила, можно ли взять. Я посмотрел на Дашу. Мы оба кивнули. Девочка сложила листы в рюкзак, аккуратно, чтобы уголки не загнулись. Для неё это были не доказательства и не архив, а бумага, на которой можно нарисовать что-нибудь своё.

* * *

Ночью Даша позвонила и спросила, не забрал ли я мамину старую записную книжку. Я ответил, что нет. Она сказала, что не может найти телефон нотариуса, а в понедельник нужно уточнить документы. Я предложил посмотреть у себя, но она рассердилась:

— Ты всегда говоришь «посмотрю», а потом забываешь.

— Я не забываю, у меня работа.

Она замолчала. Я услышал в собственном голосе привычное оправдание и захотел вернуть слова назад.

— Давай я сейчас проверю, — сказал я.

Мы договорились созвониться через десять минут. Я нашёл номер в письме от мамы, отправил Даше. Она ответила коротко: «Спасибо». Через несколько минут перезвонила и спросила, как я вообще сплю после всего.

— Плохо, — признался я.

— Я тоже.

Мы долго молчали, каждый у себя дома. Потом Даша сказала, что Алиса утром спрашивала, почему бабушки больше нет, хотя все её вещи на месте. Она пыталась объяснить и сама расплакалась. Я не нашёл подходящих слов.

— Приезжай завтра, — попросила сестра. — Просто посидим. Без документов.

Я приехал. Мы ели вчерашний пирог, смотрели телевизор, спорили о новостях. Ни разу не произнесли название компании. Вечером мне стало немного легче. Не потому, что что-то решилось, а потому что никто не пытался сделать из нашего молчания задачу.

Глава 5. Как делают истории

Через адвоката мы запросили у «Формы» сведения о праве на помещение и архивах. Ответ пришёл удивительно быстро. Компания утверждала, что мать использовала комнату для личных проектов, а хранящиеся там носители подлежат передаче по акту. К письму приложили готовый акт, где уже были проставлены количество коробок и их примерная стоимость.

— Они даже не видели, что внутри, — сказал я.

— Или видели раньше, — ответила Даша.

Мне захотелось сорвать пломбы, перечитать всё, найти в каждой папке имя злодея и наконец предъявить ему счёт. Адвокат удержал нас от этого не угрозами, а простым вопросом:

— Если там чьи-то интимные сообщения, почему они должны оказаться в ваших руках без разрешения этих людей?

Мы пригласили независимого специалиста по хранению документов для описи. Он работал при свидетелях, фиксировал состояние упаковки и серийные номера носителей, не копировал личное содержание без оснований. Отдельные контейнеры были запечатаны и переданы на защищённое хранение до определения дальнейшего законного порядка.

В незапечатанной служебной папке нашлась мамина записка. Она называла проект «Сценарии предсказуемого поведения». В разных договорах он имел разные названия: оптимизация переговоров, эмоциональная аналитика, персональная поддержка, документальный сторителлинг.

Суть, которую мать сформулировала в три строчки, была простой: «Знать чужую личную подробность. Показать, что знаешь. Дождаться решения, которое человек принял бы иначе».

На полях мама добавила: «Это не предсказание. Это давление».

Я попросил разрешения посмотреть служебные страницы папки. Специалист указал только те разделы, которые можно было изучать без доступа к личным досье. В них были схемы процессов — без настоящих имён и адресов, с буквами «А», «Б», «В». На одной изображался простой выбор: женщина получает предупреждение, затем ей предлагают «безопасный» вариант покупки или переезда. На другой человек видит сообщение якобы от самого себя, после чего охотнее следует дальнейшим инструкциям.

— Они считали вероятность? — спросил я.

— По материалам похоже на модели поведения, — ответил специалист. — Но мы не знаем, что действительно использовали, а что осталось на бумаге.

Пока специалист листал служебную папку, я вспомнил собственные рабочие таблицы: фамилии, количество выполненных заказов, цветные ячейки. Никто не спрашивал, почему один человек не справился в четверг. Я поймал себя на том, что смотрю на даты в маминой папке тем же привычным взглядом.

— Мама любила таблицы, — сказал я.

Даша, которая всё это время слушала, ответила:

— Да. И ненавидела, когда из-за таблицы забывали спросить, как ты себя чувствуешь.

Я машинально расправил край листа, который загнулся под чужой папкой. Даша заметила и фыркнула: «Мамина привычка. Ты даже бумагу разглаживаешь так же».

Адвокат составил осторожную хронологию по договорам. В 2018 году «Форма. Архивные решения» получила право на техническую оцифровку части старых ведомственных копий. Пожар в больнице произошёл в 2004-м; подрядчик никак не мог быть участником того события. Но спустя годы он мог получить доступ к отчётам и попытаться управлять тем, какие копии остаются доступными.

Следующие контракты относились к разным периодам: служебная рассылка и поведенческие тесты около пяти лет назад, «Коммуникации» — к более поздним рекламным проек-

там, «Истории» — к агентскому производству подкастов. В папке о кухне лежал не заказ на квартиру, а карточка передачи архивных снимков по запросу субподрядчика. Между карточкой и конкретной схемой обмана ещё предстояло установить связь. Мне было досадно, что общая вывеска не даёт одной простой развязки.

— Вот и выходит, что каждый делал понемногу, — сказала Даша. — Один сохранял, другой пересылал, третий закрывал глаза. А потом никто ни при чём, — закончила Даша. Я пожал плечами. Возразить было нечего.

Глава 6. Мамины таблицы

В старом ноутбуке мамы нашлась таблица домашних расходов. Мы открыли её вместе с Дашей, чтобы понять, какие платежи нужно закрыть. В столбцах были квартплата, лекарства, продукты, подарки. Рядом с некоторыми суммами стояли короткие примечания: «Илья привёз», «Даша купила», «Алиса выбрала».

Я листал таблицу, пока не наткнулся на строку «Новый чайник для Даши». Сумма была небольшой, но напротив стояло «отложить до зарплаты». Мама не рассказывала, что собирается купить подарок. Я вспомнил, как однажды сказал ей, что чайник у Даши старый и его нужно заменить. Видимо, она запомнила.

Даша села рядом, посмотрела на строку и засмеялась:

— Она уже купила его. Я просто не сказала тебе. Он на кухне стоит.

Мы закрыли таблицу. Я почувствовал себя лишним в семейной жизни, где другие люди знали о подарках, разговорах и покупках без меня. Хотелось обвинить Дашу, что она не рассказывала. Но я сам редко спрашивал.

В тот вечер позвонил Алисе. Спросил, какую книгу она сейчас читает. Она долго рассказывала про девочку, которая строит дом на дереве. Я слушал, иногда переспрашивал. Потом записал название, чтобы не забыть. Когда закончили, открыл календарь и поставил напоминание о следующем звонке. Не как мамино поручение, а чтобы не пропустить снова.

* * *

На работе мне предложили поездку на несколько дней. Обычно я соглашался сразу: командировки означали дополнительный заработок и возможность не сидеть дома. Сейчас нужно было помогать с маминой квартирой и документами. Я долго смотрел на письмо руководителя, не зная, как ответить.

Позвонил Даше и спросил, как она отнесётся, если я уеду. Она сначала рассердилась, потом сказала:

— Я не могу решать за тебя. Но мне нужна помощь в среду. Если уедешь, заранее скажи, кто сможет приехать.

Я впервые не стал обещать невозможное. Попросил перенести поездку на следующую неделю. Руководитель ответил, что это неудобно, но возможно. Я согласился на менее выгодный вариант.

В среду мы с Дашей вместе разбирали бумаги. Работы было много, мы устали и дважды поссорились из-за мелочей. Но когда сестра попросила подержать лестницу, я стоял рядом, пока она доставала коробку с верхней полки. Раньше сказал бы, что умею организовать всё быстрее. Сейчас просто держал лестницу.

Вечером Даша сказала, что не ожидала моего приезда. Мне стало неприятно, но я понял, почему. Мы заказали пиццу и сидели на полу среди коробок. Я спросил, какую часть квартиры она хочет оставить себе. Она ответила, что пока никакую, ей нужно сначала пережить месяц без мамы. Я кивнул и не стал торопить.

* * *

Даша попросила приехать к ней вечером. Алиса заболела, нужно было принести лекарства из аптеки. Я согласился и приехал с пакетом, полным ненужных вещей: купил ещё сок, яблоки, детский журнал и два вида печенья. Даша рассмеялась, увидев покупки.

— Она болеет, а не открывает магазин.

Алиса сидела на диване с одеялом и смотрела мультфильм. Я поставил лекарства на стол, спросил, что у неё болит. Она ответила, что горло, а потом попросила почитать ей книгу. Мы выбрали историю про мальчика, который потерял кораблик. Я читал медленно, потому что давно не занимался этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.